

Солженицын А. И. Август четырнадцатого.

Весёлого тут ничего не было, смерть и раны для многих. Но по свойству мужских обществ никто не открывал, если и была в нём тоска бежать отсюда поздорову, – а все друг перед другом выставлялись, шутили, гоготали.

– И помни, ребята: смелый человек умирает один раз, а робкий – каждую минуту!

Воротынцев чувствовал, как эта рота уже узнала и полюбила его, – и лёгкое гордое чувство своей уместности его наполняло, и ощущение вливаемой в него силы, за петербургские и московские годы забытой силы ядрёной, неисчерпаемой России под каждой шинелью, вот не боящейся немца нисколько.

– А где Огуменник, братцы? На Огуменника бы днём посмот-реть!

– Огуменник!.. – Э-э!.. – Огуменник!.. – Сейчас, ваше высоко-кодие!.. – Никак нет, по нужде отлучился!.. – Щас доставим!..

– Ну, тогда – Перепелятник!

Щуплый, а бойкий Мефодий-Перепелятник оказался через несколько человек от Благодарёва и, шмыгая носом, уже пробирался к полковнику – да не стало когда его рассматривать.

Сверх того, что гудело слева, в дюжину толчков толкнули против них, в дюжину долгих бичей хлестануло по воздуху – и все сюда.

– Ну! Святых своих все помните? – ещё успел крикнуть Воротынцев. – Молитесь!

И ещё последним смешком, вспоминая вчерашнего генерала, отозвались ему справа и слева:

– Богу молись, а к берегу гребись!

– Николай Угодник один всех покроет!

и Арсений взревел:

– Прощай, белый свет – и наша деревня! – а уже приседая на дно, а уже головы пряча, однако и крестясь.

